

Семейное имя Могила – репрезентант общечеловеческого смысла

Аннотация. В статье анализируется семейное имя Могила, вобравшее в себя общечеловеческие глубинные образно структурированные смыслы и значения. Основная мысль заключается в том, что семейное имя Могила сосредоточило в себе синонимизированный «общечеловеческий» смысл в «скрещённых» корнях *м, *гл, которые, в свою очередь, претерпели в языках различные морфофонематические изменения. Утверждение о том, что семейное имя Могила является глубинным ментальным многокомпонентным конструктом, даёт основание полагать: анализируемое имя в языках было и остаётся носителем культуротворческой формы.

Ключевые слова: семейное имя, культуротворческая форма, ментальный конструкт, структурация, этимология, корень.

Раздел: (05) филология; искусствоведение; культурология.

Язык, будучи существенным элементом человеческой культуры, способен быть выразителем языка, «в реально-историческом функционировании языки и культура неотделимы» [1], а некоторые языковые факты в качестве элементов концентрической системы «квазиструктуры» сохраняют и передают опыт предшествующих поколений. Определение «квазиструктуры» (Ю. Лотмана) привлекает ещё и потому, что язык как элемент данной структуры, безусловно, аккумулирует опыт человеческого коллектива. Именно язык не только структурирует один из центров этой концентрической системы, но и способен сосредоточить «наиболее очевидные и последовательные факты» [2]. А так называемая периферия, наиболее удалённая от центра, требует, как выясняется на примере фамильного имени Могила, ответа на возникшие вопросы, поскольку эти образования и эта структурность человеческой культуры ещё не доказаны, а если и доказаны, то в недостаточной степени.

По нашему глубокому убеждению, одним из таких периферических образований является антропонимика. Задачи, поставленные перед антропонимикой, остаются не только все ещё актуальными, но и мало изученными и требующими (на некоторые из них) более исчерпывающих ответов. К периферийным вопросам антропонимики, на наш взгляд, следует отнести и фамильное имя Могила, поскольку корень данной формы, встречающийся часто в языках, содержит в своей внутренней форме глубинные имплицитно выраженные смыслы и значения.

Имя человека как культуротворческая форма остаётся актуальной проблемой и продолжает вызывать научный интерес для исследователей как частного, так и общего языкознания. Семейное имя включает в себя «общечеловеческие» смыслы, которые необходимо не только расшифровать, но и попытаться, разложив на составляющие входящие в него корни, прочесть значения, заключённые в них.

К проблемам ономастики в разные годы не раз обращались исследователи, среди которых можно особо выделить имена и работы А. И. Соболевского, В. А. Богородицкого, А. М. Селищева, В. А. Никонова, Е. М. Поспелова, О. Н. Трубачёва, А. В. Суперанской. Более детально вопросами изучения антропонимики и топонимики занимались О. Н. Трубачёв, В. А. Никонов, А. В. Суперанская. Исследования в данной области в последнее время пополняются работами известных украинских

учёных, среди которых можно выделить работы В. А. Горпинича, Е. С. Отина и др. [3; 4; 5; 6; 7] Бесспорным фактом является то, что «изучение фамилий продуктивно лишь при единстве языкознания, истории, этнографии... этимология не единственная и даже не главная задача антропонимической науки» [8]. Хотя, заметим, этимология выполняет одну из главных функций, поскольку благодаря, а не вопреки ей мы можем реконструировать древние корни в индоевропейских и не индоевропейских языках. Именно этимология позволяет сравнить и сопоставить образный концептуальный арсенал языковой картины мира людей разных национальностей и выявить значения тех или иных концептов, восходящих к «общечеловеческим» ценностям.

Трудность в определении термина «фамилия» заключается в том, с чем сложно не согласиться, что «слово, служащее фамилией, утратило своё первоначальное значение» [9]. Тезис, согласно которому «база фамилии – семья» [10], остаётся актуальным. «Подлинные значения фамилий» не только неисчислимы, но ещё сегодня вызывают многочисленные споры, поскольку «семантика фамилий далеко не всегда выводима из них самих» [11]. Возможно, следует признать и тот факт, что «каждая фамилия возникла в форме чистой основы – таковой для неё было всё богатство предыдущих этапов истории данного слова» [12].

Подчеркнём, что многое в данной области всё ещё остаётся вне поля зрения учёных. Следует признать, что, «став фамилией», слово «начинает жить собственной, независимой от слова-предка жизнью, может и полностью утратить с ним связь. Поэтому нелегко бывает раскрыть этимологию фамилии, найти то слово, от которого она произошла, понять способы и средства, какими она образована. Те свойства, которые делают фамилию ценным научным источником, как раз и создают немалые трудности для её изучения». Бесспорен и то факт, что «фамилия не возникла из ничего» [13].

Семейное имя Могила, полагаем, сохранило в основе связанный корень, смысл и значение которого восходит к «общечеловеческим» концептам. Существенным для анализа фамильного имени считаем положение Н. Я. Марра, согласно которому схождение сем или смыслов, определяемое Ю. С. Степановым ещё и как «синонимизация», возможно при семантическом схождении корней слов и слов в целом [14; 15].

Семейное имя *Могила* – концепт-конструкт «общечеловеческой» матрицы «Слово». Как культуротворческая форма и как текст культуры, глубокий по смыслу и значению, фамильное имя *Могила*, функционирующее в языках, является **объектом** описания и анализа данной статьи, **цель** которой – показать глубинную образную структуризацию и выявить общие ментальные поля данного фамильного имени в абхазском, русском, украинском языках, а также сравнить и сопоставить с образной ментальностью в других языках. **Задача**, поставленная для описания и анализа выбранного объекта, не противоречит цели, поскольку заключается она в том, чтобы сравнить и сопоставить этимологические данные концепта-конструкта *Могила* в языках, выявив общее метафорически образное ментальное поле.

Анализируя и комментируя такое явление в языке, как «синонимизация», Ю. С. Степанов пишет следующее: «Помимо понятия “концептуализированной области”... вводится важное понятие “синонимизации”, которое имеет два разных смысла, связанных между собой: 1) синонимизация разных корней слов, 2) синонимизация “слов” и “вещей” <...> В первом смысле понимается схождение двух разнокоренных слов (или, в плане этимологии, двух разных корней), по происхождению

никак между собой не связанных, но становящихся синонимами внутри данной концептуализированной области» [16]

Считаем, что такое фамильное имя, как *Могила*, сосредоточило в себе синонимизированный «общечеловеческий» смысл в «скрещённых» корнях *м, *гл, где первый корень в языках употребляется с разной огласовкой – *м (мо, му), а второй вобрал в себя корень *гл и тоже в языках (как индоевропейских, так и не индоевропейских) с разной огласовкой гал, гул, гол, гил. Следует подчеркнуть, что, возможно, и первый компонент корня му/мо претерпел морфофонематические изменения, как например, усечение или наращение, если сравнить метафорический образ, заложенный в корнях, то анализируемый корень му в таких языках, как абхазский и турецкий, несёт в себе образ холма, бугорка. Сравним: абхаз. Анышэ/амышэ «смёрзшаяся земля», турецк. уытгы «бугорок, шишка», уытгык «кулак» и китайское фэн му (русская транслитерация), состоящее из значений земля+ бугор [17]. Латинские слова *humus* «земля, почва», *tumulus* «холм» [18] содержат в основе формант **mu**, который, по всей видимости, вобрал в себя рассматриваемый образ. Указанные корни являются не чем иным, как носителями «общечеловеческих» смыслов «земля + комок», «земля + сердцевина», возможно, «земля+ центр».

Нет сомнения в том, что имя человека – глубинный ментальный многокомпонентный конструкт. В связи с изложенным можно утверждать, что такое фамильное имя, как *Могила*, было и остаётся носителем культуротворческой формы. Важно при этом подчеркнуть, что культуротворчество не только отражает бытие человека в целом, но и является фундаментальной основой культуры вообще, поскольку в нём происходит оценка деятельности человека. В этой области рефлексирующий творческий субъект создаёт не только свой мир, познавая себя в нём, но и оценивает мир смыслов и ценностей вокруг себя [19].

Поэтому можно утверждать, что культуротворчество заложено в природе человека, а культуротворческая форма как фамильное имя является феноменом культуры. Мировоззрение не только древнего, но и современного человека может определяться как «магическое», поскольку сохраняется вера в силу и могущество «Слова». В связи с этим отметим, что З. Фрейд, конечно, был прав, когда писал о том, что «связь между конкретным именем и личностью» вызывает «не простую ассоциацию», имя магически воздействовало на человека и было его «существенной частью» [20].

Не противоречит указанным фактам и то, что в основе имени человека лежит «общечеловеческое» метафорически структурированное образное «Слово», которое к тому же является ещё и амбивалентным знаком [21]. В связи с этим необходимо подчеркнуть мысли, согласно которым: а) «Слово» восходит к образному понятию, поскольку находится в «сложном процессе мышления, всегда выполняет ту или иную функцию сообщения, осмысливания, понимания, решения какой-нибудь задачи» [22]; б) в основе этимологии «общечеловеческого» концепта-конструкта лежит метафорически структурированный образ.

Следует признать достоверными два постулата, восходящие к теории Л. С. Выготского. Первый немаловажный факт: «общечеловеческая» матрица «Слово» – чувственный материал, а это значит, что «Словом» оцениваем свои и чужие поступки. Второй существенный факт: «Слово» – необходимый образный смыслопорождающий компонент в цепи понятий, структурирующих «общечеловеческий» концепт-конструкт. А такой конструкт, как фамильное имя, без сомнения,

имеет открытую структуру, в которой предполагается бесконечное множество смыслов и значений, не имеющих завершённого вида.

Другими словами, эти понятия, структурирующие образ, формируются через опосредованный вещный мир. И в этом смысле абсолютно справедливым является то, что «все высшие психические функции объединяет тот общий признак, что они являются опосредованными процессами, т. е. включают в свою структуру как центральную и основную часть всего процесса в целом употребление знака основного средства направления и овладения психическими процессами ...» [23] Знак, который выполняет функцию «направления и овладения психическими процессами», является не чем иным, как «Словом», способным в результате своей структуризации образовывать понятия, или концепты-конструкты, и стать «позже его символом» [24].

Известно, что за синкретическим понятийным мышлением следует комплексное, которое определяется как «связное мышление и одновременно объективное мышление» [25]. Элементы, входящие в состав комплексного мышления, основаны не на абстрактной и логической связи, а на конкретной и фактической. Фактические связи открываются в непосредственном опыте. Этот опыт, считаем, позволяет структурировать такое фамильное имя, как Могила, которое не только восходит к «общечеловеческому» комплексному мышлению, но и является к тому же концептом-конструктом.

Согласно учению Л. С. Выготского, стадия вербального мышления не может существовать без слова, которое «выступает в роли фамильного имени, объединяющего группы родственных по впечатлению предметов» [26]. Важно подчеркнуть, что процесс абстрагирования в комплексном мышлении порождает истинные понятия, которые «возникают тогда, когда ряд абстрагированных признаков вновь синтезируется, когда полученный таким образом абстрактный синтез становится основной формой мышления» [27]. Комплексное мышление, сфокусировавшее в себе образы вещного мира, оставило глубокий след в «общечеловеческой» памяти.

В основе фамильного имени *Могила*, считаем, лежит комплексное мышление, которое структурируется понятиями «холм», «куча земли», «курган». Согласно этимологическому словарю М. Фасмера, словом «могила» обозначали: «украинское моги́ла "(могильный) холм, курган", древнерусское могыла "могильный холм", сербское, церковнославянское могыла βουρός, болгарское моги́ла "курган", сербохорватское гомила, мѡгила, словенское gomíla "куча земли", чешское словацкое mohyla "могила", польское mogiła "(могильный) холм, курган", полабское müǵala "могила". Первоначальное значение было "холм". Неотделимо от албанского gatule ж. "куча земли и травы", mágulë "холм", румынское măgură "холм", которые, по моему мнению, заимствованы из славянского...» [28]

М. Фасмер, полемизируя с Хенриком Баричем, который считал, что анализируемое слово произошло из албанского, пишет следующее: «Предположение об албанском происхождении славянских слов невероятно, ввиду широкого распространения *mogyla в славянских, кроме того, албанская этимология весьма уязвима». М. Фасмер и австрийский этимолог Франц Миклошич полагали, что слово это имеет связь со славянским словом «могъ (см. могу), т. е. "господствующее место", которое сравнивается и со словом кобыла... Неоправданно сближение Младенова... болгарское гоміла с греческим γέμω "я наполнен". Сомнительно по семантическим соображениям сравнение *mogyla с греческим μέγαρων "зал, святая святых (в храме)", μέγαρα мн. "пещеры", авестийское тауа – "трещина в земле, пещера", вопреки Шарпантье... Наверняка не заимствование из среднеиранского

*magu-ulā "холм мага", вопреки Моле... где якобы содержится хотансакское ula = авестийское эгəбwa – "высокий"» [29].

Слово «могила» употреблялось в значении «курган» и в эпоху Киевской Руси. Так, например, Ю. Л. Мосенкис, относя рассматриваемое слово к праславянской форме *mogula, выявляет, с одной стороны, сходство с румынской *magura и албанской magulle формами, а с другой – находит параллели с арабским mağarat «пещера», древнегреческими megaron «курган, засыпанный землёй» и megara «пещеры» [30].

Отметим, что Ю. Л. Мосенкис, цитируя исследователя О. В. Прискоку, пишет, что общеславянское слово «могила» имеет как праславянские, так и индоевропейские корни, но при этом, соглашаясь с вышеуказанным автором, констатирует, что этимология слова не совсем понятна [31].

Представляет интерес мысль, согласно которой слово «могила» является по своему происхождению доиндоевропейским словом, подтверждая тем самым возможное отнесение данного слова к некоей надсемье языков. Следует обратить внимание на тот факт, что во многих языках в словах с этим корнем доминирует значение «комочек земли», «насыпь земли», «холм», «курган». Заметим ещё, что в словах с рассматриваемыми корнями значение основано либо на метонимическом, либо метафорическом переносе. Для примера приведём слово магу́ла. Заметим, что на указанное слово ссылается и Ю. Мосенкис. В белорусском языке данное слово обозначает «нарост на дереве или на теле человека», с таким же корнем употребляется в языке и слово магура в значении «сугроб» [32].

Украинские магура, возможно, и могуля имеют в своей основе преформант **ма**, который в языках мог претерпеть различные морфофонематические изменения. Так, например, формант **ма** мог обозначать большой, много. Для сравнения приведём абхазское слово А-МАЛ «богатство», «иметь что-то в немалом количестве», «материальные блага».

В аспекте изложенного представляют интерес абхазские слова-композиции а-мыш`г`ал и а-ныш`г`ал, которые дословно переводятся как «земля + бугор или ком. Иначе говоря, словом а-мыш`г`ал обозначают «ком земли», «насыпь из земли». Слова аныш`г`ал = амыш`г`ал зафиксированы в АРС (Абхазско-русском словаре) как «большой ком земли» [33]. Полагаем, что и могила, и амыш`г`ал – слова, сосредоточившие в своей основе древний корень, который является носителем общечеловеческого ментального образа насыпанной земли, невысокой горы и т. д. Все эти образы вписываются в значения таких слов, как древнеирландское mağ «обработанная часть земли» = сравним со словом аныш`г`ал в абхазском языке «большие комья земли, остающиеся на вспаханном поле»; древнеиндийское слово mahi «земля», которое дословно переводится как «большая» = сравним с абхазским а-мал «достаток», «большой», румынские слова măgură/măgulă «горб, невысокая гора» и албанское măgullë с тем же значением. Следует сказать, что в паремиологических моделях, где доминирует лексико-семантический компонент «могила», ментальный образ структурируется как положительной, так и отрицательной коннотацией. Амбивалентный характер концепта-конструкта очевиден и не подвергается сомнению. К примеру, русские пословицы: *Блудный сын – ранняя могила отцу* или *В могилу глядит – над копейкой дрожит* – сравним с абхазскими *Анышэ дагеит, ифет, икэрыпсеит*, которые переводятся дословно как «Земля его унесла, съела, накрыли его землёй», несут такой же отрицательный смысл, как и указанные абхазские. Они, как видно, характеризуют злых, недобрых, алчных, же-

стоких людей, у которых отсутствует *чистота сердца = души, чистота духа*. Указанные паремии потенциально могут иметь бесконечное множество смыслов и значений открытой структуры [34].

Следует подчеркнуть очень существенное положение настоящей статьи. В данном фамильном имени сосредоточились древние связанные корни, внутреннюю форму которых можно определить, если анализировать этимологию этих корней. Образ, заключённый в фамильном имени Могила, не только глубоко метафоричен, но и структурируется концептами «живой/неживой природы» – первые определяются как «высшая степень иерархии», вторые – «вторая степень сложности» или иерархии.

Структура указанных концептов многоступенчатая, сложная: значения и смыслы, конституирующие концепт, характеризуют глубинный потенциал лексико-семантических компонентов и их частей. Ментальное поле концепта состоит из знаков как положительной, так и отрицательной оценки. Раскрывая сущностные характеристики ментального поля концепта фамильного имени Могила, можно утверждать, что от компонентов значений концепта идёт восхождение к образу, этимологии, а значит, к внутренней форме.

Итак, согласно описанным фактам, можем с уверенностью сказать, что фамильное имя *Могила* является носителем двух древних «скрещённых» (поскольку они встречаются как в индоевропейских, так и не индоевропейских языках) корней, смысл и значение которых можно передать как «насыпанный землёй холм» или же «бугорок земли», что, по существу, не противоречит смыслу, заключённому в образе земли, почвы. Анализируемые корни, по всей видимости, восходят к праформе, которую можно отнести к надсемье языков, являющейся общей как для индоевропейских, так и тюркских, абхазо-адыгских и сино-тибетских языков.

Ссылки на источники

1. Труды по знаковым системам 5 // Учёные записки Тартуского государственного университета / под ред. Ю. Лотмана. – Вып. 284. – Тарту, 1971. – С. 146.
2. Там же.
3. Горпинич В. А. Відтопонімний словотвір в українській мові // Ономастика и апеллятивы. – Вып. 39. – Днепропетровск: ДНУ, 2013. – 360 с.
4. Никонов В. А. География фамилий. – М.: Наука, 1988. – 192 с.
5. Суперанская А. В. Имя через века и страны / под ред. Э. М. Мурзаева. – М.: Наука, 1990. – 190 с.
6. Суперанская А. В. Как Вас зовут? // Русская речь. – 1991. – № 1. – С. 123–128.
7. Трубочёв О. Н. В поисках единства. А кто там идёт? Взгляд на этногенез белорусов // Русская речь. – 1991. – № 3. – С. 72–83; № 4. – С. 81–96; № 5. – С. 83–93.
8. Никонов В. А. Указ. соч. – С. 15.
9. Там же. – С. 29.
10. Там же. – С. 31.
11. Там же. – С. 171.
12. Там же. – С. 170.
13. Там же. – С. 8.
14. Марр Н. Я. Об яфетической теории // Язык и общество. – М.; Л., 1934. – Т. 3. – С. 21–23.
15. Степанов Ю. С. Константы: словарь русской культуры. – 3-е изд., испр. и доп. – М.: Академический проект, 2004. – 992 с.
16. Там же.
17. Новый турецко-русский и русско-турецкий словарь [100 000 слов и словосочетаний / сост. Н. Н. Богочанская, А. С. Торгашова]. – М.: ООО Дом славянской книги, 2009. – С. 582.
18. Новый латинско-русский и русско-латинский словарь [100 000 слов и словосочетаний / сост. Л. А. Асланова]. – М.: ООО Дом славянской книги, 2010. – С. 9, 668.
19. Леонтьева В. Н. Культуротворческий процесс: основания и начала. – Харьков: Консул, 2003. – С. 6.

ART 14201

УДК 811.161

20. Фрейд З. Тотем и табу. Психология первобытной культуры и религии // О сновидениях / пер. с нем. – Харьков: Фолио, 2006. – С. 5–22.
21. Амичба Д. П. Лингвокультурологическое выражение смысла и значения «общечеловеческого» в ментальных образах абхазов, русских, украинцев (на материале фразеологии): [монография]. – Днепропетровск: Изд-во ДНУ, 2012. – 228 с.
22. Выготский Л. С. Полн. собр. соч.: в 6 т. – Т. 2 Проблемы общей психологии. – М.: Педагогика, 1982. – С. 121.
23. Там же. – С. 126.
24. Там же.
25. Там же. – С. 140.
26. Там же. – С. 174.
27. Там же.
28. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. / [под ред. Б. А. Ларина, пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачёва]. – М.: Прогресс, 1964-1973. – URL: <http://fasmer-dictionary.info>
29. Там же.
30. Мосенкіс Ю. Л. Філологічні етюди. Арабські етимології. Арабське таґарат «печера», праслов'янське *mogula, давньогрецькі мегарон «погорбоподібна споруда», мегара печери»: збірник наукових праць // Мова та історія. – К., Умань: ПП Жовтий, 2010. – Вип. 134. – С. 59.
31. Там же.
32. Там же. – С. 60.
33. Абхазско-русский словарь: в 2 т. / сост. В. А. Касландзия. – М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2005. – Т. 2. – С. 40.
34. Амичба Д. П. Указ. соч.

Dimona Amichba,

Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Dnepropetrovsk National University Oles Gonchar, Dnepropetrovsk, Ukraine
amichba_dimona@mail.ru

Family name 'Tomb' as the representative of universal sense

Abstract. The author examines the family name Tomb, which incorporated universal metaphorically structured deep meanings and value. The idea is that the family name Tomb focused in itself the synonymized "universal" sense of "crossed" roots *m *ch, which in turn evolved into different languages morpho-phonematic changes. The allegation that the family name Tomb is deep multicomponent mental construct suggests that analyte name in tongues was and remains culturological bearer form.

Key words: family name, culturological form, mental construct, structuration, etymology, root.

References

1. (1971) "Trudy po znakovym sistemam 5", Lotman, Ju. (ed.) *Uchjonye zapiski Tartuskogo gosudarstvennogo universiteta*, vyp. 284, Tartu, p. 146 (in Russian).
2. Ibid.
3. Gorpnich, V.A. (2013) "Vidtoponimnij slovtvir v ukrains'kij movi", in *Onomastika i apelljativy*, vyp. 39, DNU, Dnepropetrovsk, 360 p. (in Ukrainian) (in Russian).
4. Nikonov, V.A. (1988) *Geografija familij*, Nauka, Moscow, 192 p. (in Russian).
5. Superanskaja, A.V. & Murzaev, Je.M. (ed.) (1990) *Imja cherez veka i strany* Nauka, Moscow, 190 p.
6. Superanskaja, A.V. (1991) "Kak Vas zovut?", *Russkaja rech'*, № 1, pp. 123–128 (in Russian).
7. Trubachjov, O.N. (1991) "V poiskah edinstva. A kto tam idjot? Vzgljad na jetnogenez belorusov", *Russkaja rech'*, № 3, pp. 72–83; № 4, pp. 81–96; № 5, pp. 83–93 (in Russian).
8. Nikonov, V.A. (1988) Op. cit., p. 15.
9. Ibid., p. 29.
10. Ibid., p. 31.
11. Ibid., p. 171.
12. Ibid., p. 170.
13. Ibid., p. 8.
14. Marr, N.Ja. (1934) "Ob jafeticheskoj teorii", *Jazyk i obshhestvo*, vol. 3, Moscow, Leningrad, pp. 21–23.
15. Stepanov, Ju.S. (2004) *Konstanty: slovar' russkoj kul'tury*, 3-e izd., ispr. i dop., Akademicheskij proekt, Moscow, 992 p. (in Russian).
16. Ibid.
17. Bogochanskaja, N.N. & Torgashova, A.S. (eds.) (2009) *Novyj turecko-russkij i russko-tureckij slovar' 100 000 slov i slovosochetaniĭ*, OOO Dom slavjanskoj knigi, Moscow, p. 582 (in Russian).

ISSN 2304-120X

9 772304 112014 2

0 8

ART 14201

УДК 811.161

18. Aslanova, L.A. (2010) *Novyj latinsko-russkij i russko-latinskij slovar' 100 000 slov i slovosochetanj*, OOO Dom slavjanskoj knigi, Moscow, p. 9, 668 (in Russian).
19. Leont'eva, V.N. (2003) *Kul'turotvorcheskij process: osnovanija i nachala*, Konsul, Har'kov, p. 6 (in Russian).
20. Frejd, Z. (2006) *Totem i tabu. Psihologija pervobytnoj kul'tury i religii, O snovidenijah / per. s nem*, Folio, Har'kov, pp. 5–22 (in Russian).
21. Amichba, D.P. (2012) *Lingvokul'turologičeskoe vyraženie smysla i znachenija «obshhechelovečeskogo» v mental'nyh obrazah abhazov, russkih, ukraincev (na materiale frazeologii): [monografija]*, Izd-vo DNU, Dnepropetrovsk, 228 p. (in Russian).
22. Vygotskij, L.S. (1982) *Poln. sobr. soch.: v 6 t., T. 2 Problemy obshhej psihologii*, Pedagogika, Moscow, p. 121 (in Russian).
23. Ibid., p. 126.
24. Ibid.
25. Ibid., p. 140.
26. Ibid., p. 174.
27. Ibid.
28. Fasmer, M. (1964-1973) *Jetimologičeskij slovar' russkogo jazyka: v 4 t.*, Progress, Moscow. Available at: <http://fasmer-dictionary.info> (in Russian).
29. Ibid.
30. Mosenkis, Ju.L. (2010) "Filologični etjudi. Arabs'ki etimologiji. Arabs'ke mağarat «pechera», prasl'ov'jans'ke *mogula, davn'ogrec'ki megaron «pogorbopodibna sporuda», megara pecheri»: zbi-rnik naukovih prac", *Mova ta istorija*, PP Zhovtij, K., Uman', vip. 134, p. 59 (in Ukrainian).
31. Ibid.
32. Ibid., p. 60.
33. Kaslandzija, V.A. (ed.) (2005) *Abhazsko-russkij slovar': v 2 t.*, OLMA-PRESS, Moscow, vol. 2, p. 40 (in Russian).
34. Amichba, D.P. (2012) Op. cit.

Рекомендовано к публикации:

Горевым П. М., кандидатом педагогических наук, главным редактором журнала «Концепт»